

Поцелуй – Harlequin

Сара Андерсон

Кто прав, кто виноват?

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Андерсон С. М.

Кто прав, кто виноват? / С. М. Андерсон —
«Центрполиграф», 2015 — (Поцелуй – Harlequin)

Байрон Бомонт – успешный шеф-повар и совладелец пивоварни – возвращается в Денвер, чтобы вместе с братьями открыть ресторан. За год, проведенный в Испании, Байрон достиг небывалых высот в профессии, но не смог забыть Леону Харпер, их страстный роман и ее предательство. Ни время, ни расстояние не помогли залечить рану в душе Байрона, и теперь, вернувшись в родной город, он решает нанять бывшую возлюбленную в качестве дизайнера интерьера нового ресторана. У Леоны тоже есть серьезный повод обижаться на Байрона, и все же она соглашается на эту работу, ведь ей приходится в одиночку воспитывать их общего сына, о существовании которого он даже не подозревает...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

© Андерсон С. М., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сара М. Андерсон

Кто прав, кто виноват?

His Son, Her Secret

Copyright © 2015 by Sarah M. Anderson

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

– Это место настоящая дыра, – объявил Байрон Бомонт, и его слова эхом разнеслись под каменными сводами, невольно вызывая жутковатое чувство.

– Не закимливайся на том, что есть сейчас, – раздался в телефонной трубке голос старшего брата Мэттью, который предпочел общаться по конференц-связи, вместо того чтобы поехать в Денвер из Калифорнии, где счастливо проживал. – Представляй, каким все станет в будущем.

Байрон еще раз медленно осмотрелся, оценивая масштаб запустения и стараясь не думать о Мэттью и других старших братьях. Все они либо удачно женились, либо были помолвлены, что чрезвычайно удивляло, поскольку до недавнего времени Бомонты не относились к любителям идти под венец.

Не так давно, однако, Байрон собирался жениться, но суровая реальность внесла коррективы в его планы. Пока он зализывал раны, братья – трудоголики и плейбои – все как один нашли себе жен.

Байрон снова оказался единственным, не отвечающим ожиданиям семьи Бомонт.

Он заставил себя сосредоточиться на комнате. Сводчатый потолок местами взмывал ввысь изогнутыми арками, а местами низко нависал над головой. Ключья паутины висели повсюду, включая и единственный источник света – электрическую лампочку, отбрасывающую по углам густые тени. Массивные несущие столбы были равномерно распределены в пространстве и занимали большую часть пола. За низкими окнами в форме полумесяца, покрытыми толстым слоем пыли, виднелись очертания сорняков. В воздухе пахло плесенью.

– И каким все станет в будущем? Надеюсь, это место разрушат до основания.

– Нет, – жестко и властно отрезал Чэдвик Бомонт, самый старший сводный брат Байрона, и, взяв малышку-дочь из рук жены, усадил себе на плечо, чтобы ей было лучше видно. – Мы находимся в помещении под пивоварней. Раньше здесь был погреб, но нам кажется, ты сумеешь придумать что-нибудь оригинальнее.

Байрон фыркнул. Да уж.

Серена Бомонт, жена Чэдвики, встала рядом с Байроном, чтобы Мэттью мог ее видеть.

– Благодаря стараниям Мэттью «Пиво Першерон» получило прекрасный старт, но нам бы хотелось, чтобы пивоварня прославилась не только первоклассным пивом.

– Мы намерены выгодно подчеркнуть достоинства заведения, – сказал Мэттью. – Множество клиентов были недовольны продажей «Пивоварни Бомонт», утратившей таким образом статус семейного дела. Чем крупнее станет «Пиво Першерон», тем больше шансов привлечь прежних клиентов.

– А для этого, – подхватила Серена сладким голосом, – нам нужно предлагать им нечто такое, чего невозможно получить в «Пивоварне Бомонт».

– Филипп работает сейчас с командой графических дизайнеров над созданием эмблемы с упряжкой першеронов¹, которую мы станем использовать в маркетинговых кампаниях. Вообще, с торговой маркой нужно быть осторожными, – добавил Чэдвик.

– Вот именно, – поддержал Мэттью. – Нам пока нельзя выбирать лошадей своим опознавательным знаком.

Байрон закатил глаза. Ему следовало привезти сестру-близнеца Френсис, на лояльность которой можно рассчитывать, поскольку, похоже, его втягивают в дело, изначально обреченное на провал.

¹ Першерон – порода тягловых лошадей. (Здесь и далее примеч. пер.)

– Вы шутите, что ли? Уж не предлагаете ли вы мне ресторан открыть в этой темнице? – Он многозначительно обвел взглядом пыль и плесень. – Не будет этого. Это дыра. Я в таких условиях готовить не могу, да и обедать здесь тоже, черт подери, никто не пожелает. – Он посмотрел на малышку. – Тут и дышать-то без маски небезопасно. Не представляю, когда последний раз здесь проветривали.

– Ты показала ему кухню? – Мэттью обратился к Серене.

– Нет, но сделаю это прямо сейчас. – Она зашагала в дальнюю часть комнаты с деревянными двустворчатыми дверями на ржавых петлях, таких широких, чтобы проехала повозка, запряженная парой першеронов.

– Я сам, милая, – произнес Чэдвик, видя, что Серена сражается с большой задвижкой, и обратился к Байрону: – Подержи-ка Кэтрин.

Байрон едва не выронил телефон, потому что Кэтрин тоже захотела увидеть своего дядю.

– Эй, тише! – нервно воскликнул он, ничего не смыслящий в детях и не умеющий с ними обращаться. Сколько малышке лет, возможно, годик?

Личико Кэтрин сморщилось и покраснело. Байрон не был уверен, правильно ли держит ее, но в одном не сомневался: этот крошечный человечек собирается расплакаться.

– Э-э-э! Чэдвик? Серена?

К счастью, Чэдвику удалось открыть двери. Те громко протестующе закрипели, что отвлекло девочку, в следующее мгновение Серена забрала ее из рук Байрона.

– Спасибо.

– Не за что, – пробурчал Байрон, радуясь, что не уронил ребенка, и понял, что Мэттью смеется. – Что такое?

– Видел бы ты свое лицо! – с трудом выдавил Мэттью, хлопая себя по колену. – Ты хоть раз в жизни держал ребенка на руках?

– Я шеф-повар, а не нянька. А ты хоть раз в жизни взбивал в пену трюфельное масло? Капитулируя, Мэттью поднял руки:

– Сдаюсь, сдаюсь. К тому же никто не говорил, что открытие нового ресторана требует от тебя навыков ухода за ребенком.

– Байрон? – Серена жестом пригласила его к дверям. – Иди-ка взгляни.

Он неохотно пересек сырое помещение и поднялся по наклонной платформе, ведущей на кухню. Увиденное потрясло его до глубины души.

В отличие от мрачного грязного подвала кухня за последние двадцать лет явно подвергалась модернизации. Вдоль каменных стен, выкрашенных в белый цвет, стояли ряды начищенных до блеска стальных шкафов, на столах ни единого пятнышка. Лампы дневного света заливали комнату резким светом. Кое-где можно было заметить паутину, однако контраст с подвалом был разительным.

«Тут имеется потенциал», – подумал Байрон.

– Как мы понимаем, – рассказывал Мэттью, – люди, варившие здесь пиво, переоборудовали кухню и создавали маленькие партии по экспериментальным рецептам.

Байрон подошел к профессиональной плите с шестью конфорками.

– Неплохо, конечно, но для ресторанного обслуживания не предназначено. Я не могу готовить всего на шести конфорках и по-прежнему считаю, что все подлежит сносу. Предпочитаю начинать с чистого листа.

– Разве не этого ты хотел?

– То есть?

– Вот именно, – подхватил, прокашлявшись, Чэдвик. – Мы подумали, что, проведя год в Европе...

– Ты захочешь все начать сначала, – дипломатично закончила Серена. – Обзавестись местом, которое смог бы назвать своим и распоряжаться.

Байрон обвел глазами свою семью, притворяясь, что не понимает, хотя отлично знал, о чем все думают.

– О чем вы толкуете?

Прежде он работал на Рори Макмакена в крупнейшем флагманском ресторане «Соус» в Денвере, но его вышвырнули из-за «творческих разногласий». Байрон покинул страну и отправился сначала во Францию, потом в Испанию, не в силах вынести критики, которой Макмакен подверг его и всю семью Бомонт в своем кулинарном телевизионном шоу.

Жаль, что они понятия не имеют, как все было на самом деле.

Последний год Байрон намеренно почти не поддерживал связей с родственниками, за исключением сестры-близнеца Френсис, которая сообщала ему семейные новости. Именно от нее он узнал, что Чэдвик развелся и вскоре женился на своей секретарше, удочерив ее малышку, а Филипп собирается вступить в брак с тренером своих лошадей. Кроме того, Френсис рассказывала братьям о передвижениях Байрона.

Он был тронут тем, что семья беспокоится о нем. Более или менее ему удалось уберечь их от последствий своей единственной серьезной ошибки, имя которой Леона Харпер. Теперь же они пытаются убедить его вернуться в Денвер, где он смог бы начать все заново.

Чэдвик начал что-то говорить, но замолчал и переглянулся с женой. Байрону эти взгляды были как соль на рану.

– Тебе не придется волноваться о независимом финансировании, – сказала Серена. – Предварительные расходы покрываются из денег, вырученных от продажи «Пивоварни Бомонт» и капитала, поступающего от «Пива Першерон».

– Мы выкупили сразу все здание, – добавил Чэдвик. – Арендная плата ничтожна по сравнению с таким же помещением в деловом районе Денвера. Ресторан должен будет покрывать свои коммунальные расходы и выплачивать зарплату служащим, в остальном у тебя полная финансовая свобода.

– И вообще, ты сможешь делать что пожелаешь, – вмешался Мэттью. – Воплощать в жизнь любые оформительские идеи, составлять любое меню, хоть бургеры с жареной картошкой, хоть взбитое в пену трюфельное масло. Единственное – в твоей карте напитков должно преобладать пиво из нашей пивоварни, так как ресторан расположен в ее цокольном этаже. Как бы то ни было, у тебя карт-бланш.

Байрон посмотрел на Чэдвика, Серену, лицо Мэттью на экране.

– Ребята, вам и правда кажется, что так нам удастся продать пиво?

– Могу представить тебе анализ выгоды затрат, проведенный мной, – предложила Серена, Чэдвик широко улыбнулся ей, что очень странно. Байрон не привык видеть своего брата улыбающимся.

С трудом верилось, что он вообще обдумывает предложение. Ему нравилось жить в Мадриде, работать в «Эль Галлио» – ресторане, шеф-повар которого больше внимания уделял ингредиентам блюд, чем созданию себе громкого имени. Да и испанский Байрона улучшался день ото дня.

Целый год он работал в сфере питания. Начиная в непритязательных ресторанах сети быстрого питания, потом перешел в заведение, имеющее одну звезду Мишлена, после чего оказался в трехзвездочном «Эль Галлио», одном из самых лучших ресторанов в мире. Байрон чертовски гордился тем, что сам создал себе имя, никак не связанное с отцом или семьей Бомонт. Готов ли он отказаться от всего и вернуться домой насовсем?

Больше всего импонировала анонимность жизни в Европе. Здесь никому не было дела ни до его фамилии, ни до облака слухов, окружающего его отъезд, ни до того, что случилось

с «Пивоварней Бомонт» и «Пивом Першерон» или как повели себя в тот день братья, чтобы попасть в газетные заголовки.

Никто не знал о старой вражде между Бомонтами и Харперами, приведшей к необходимости продать «Пивоварню Бомонт».

Никто не сплетничал о Байроне и Леоне Харпер.

Что очень его устраивало.

Леона.

Он понимал, что, если надумает вернуться, встретит ее снова. У них остались незавершенные дела, на которые разлука продолжительностью в год никак не повлияла. Он хотел, чтобы она посмотрела ему в глаза и объяснила *почему*. Ничего больше. Почему лгала о том, кем в действительности является? Почему предпочла свою семью, отказавшись от всего, что они планировали. От всего, что он хотел ей дать?

Целый год Байрон работал как вол, чтобы забыть ее и ее предательство, хотя и не был уверен, что ему вообще когда-либо это удастся. Ладно, такова жизнь. Всем случалось хоть однажды пережить ситуацию, когда сердце заживо вырывают из груди.

Байрон не хотел ее возвращения. Зачем? Чтобы она со своим папочкой снова разрушила ему жизнь? Он жаждал отомстить. Вопрос в том, как лучше за это взяться.

Тут он кое-что вспомнил. Леона училась в школе промышленного дизайна, и они частенько обсуждали, как вместе откроют ресторан. Она будет его декорировать, он станет шеф-поваром.

С тех пор прошел год. Она могла устроиться на работу или открыть собственную фирму. Если он наймет ее, ей придется делать, как он велит. Так он сможет доказать, что у нее нет над ним власти и не в ее силах причинить ему боль. Он больше не наивный мальчишка, работающий на законченного эгоиста и позволяющий чувствам ослепить себя. Он шеф-повар, скоро открывает собственный ресторан. Сам себе хозяин и руководитель. Он Бомонт, черт подери. Пришло время вести себя соответственно.

– И я могу пригласить кого захочу для проведения внутренних отделочных работ?

– Разумеется! – хором воскликнули Чэдвик и Мэттью.

Байрон обвел взглядом кухню, посмотрел на двери своей темницы.

– Поверить не могу, что вообще обдумываю подобную возможность. – Он мог бы вернуться в Испанию, к своей новой жизни, которую сам себе создал. Жизни, лишенной прошлого. Правда, в действительности ему так и не удалось избавиться от этих оков, и он смертельно устал прятаться.

Он посмотрел на братьев и Серену, те надеялись, что он наконец вернется в лоно семьи.

Байрон отдавал себе отчет в том, что стоит на пороге большой ошибки, но, когда дело касалось Леоны, по-иному и быть не могло.

– Я согласен.

– Леона? – раздался в трубке голос Мэй.

Леона поспешно выключила громкую связь, чтобы ее босс, Марвин Лютефиск, глава «Лютефиск дизайн», не услышал личный телефонный разговор.

– Слушаю. Что стряслось? Все в порядке?

– Перси ведет себя беспокойно. Боюсь, как бы не вернулась ушная инфекция.

– Не осталось ли у нас капель с прошлого раза?

Едва ли она могла позволить себе еще один поход к доктору, который три секунды осматривал бы ухо, выписал рецепт и выставил счет в триста долларов. Но другие варианты еще хуже. Если Перси подхватит еще две инфекции, придется вставлять в уши трубки, а скудный бюджет не допускал даже такого незначительного хирургического вмешательства.

– Немножко, – неуверенно протянула Мэй.

– Я раздобуду еще, – пообещала Леона, прикидывая, удастся ли убедить медсестру выдать бесплатный пробный образец.

С тех пор как родился Перси, и дня не проходило без того, чтобы она не задавалась вопросом, как бы сложилась жизнь, если бы в ней по-прежнему присутствовал Байрон Бомонт? Здоровье сына от этого бы точно не улучшилось, но Мэй, похоже, свято верила, что ее старшая сестра может решить любые финансовые проблемы.

Леоне очень хотелось опереться на чье-то надежное плечо, не взваливать всю тяжесть мира на собственные плечи. Но мечтами о том, как все могло сложиться, счета не оплатишь.

– Послушай, я еще на работе. Если станет совсем плохо, звони педиатру. Я с ним завтра рассчитаюсь.

– Хорошо. Ты вернешься домой к ужину? У меня вечером занятие, не забывай.

– Да. – Заметив идущего босса, Леона поспешно прошептала: – Мне пора, – и повесила трубку.

– Леона, – Марвин машинально приглаживал рукой остатки волос на затылке, – занята?

Леона изобразила широкую улыбку:

– Как раз завершаю разговор с клиентом, мистер Лютефиск. Что-нибудь случилось?

Тот ободряюще улыбнулся, сверкнув скрытыми за толстыми стеклами очков глазами. В сущности, он неплохой босс, дал ей возможность стать личностью, а не просто дочерью Леона Харпера. О большем и мечтать нельзя. Разве что о том, чтобы приобщиться к миру промышленного дизайна. Леона всегда хотела заниматься дизайном интерьеров ресторанов и баров, где форма и функциональность тесно сплетаются с применением искусства на практике, и вовсе не горела желанием оформлять фасады крупных торговых центров, правда, надо с чего-то начинать.

– Поступил запрос на оформление нового паба в южной части города, – пояснил Марвин, пристально глядя на нее. – Обычно «Лютефиск дизайн» этим не занимается, но звонивший хочет сотрудничать именно с тобой.

Леона воспаряла духом. Ресторан? И ее хотят видеть оформителем? Это хорошо, просто отлично. Тут она вспомнила, с кем разговаривает.

– Вы не возражаете, если я буду ведущим дизайнером? Если хотите сами заняться этим заказом, буду счастлива помочь.

Эти слова дались с огромным трудом. В роли ведущего дизайнера, а не ассистента она получит куда более щедрые комиссионные и сумеет покрыть затраты на лечение Перси, часть платы за обучение Мэй и...

Нельзя прыгнуть выше головы. Марвин внимательно следил за уровнем вовлеченности каждого сотрудника в тот или иной проект.

– Ну, этот клиент выразился недвусмысленно. Он хочет работать только с тобой.

– Правда? То есть, я имею в виду, прекрасно! – Леона пыталась не выдавать энтузиазма. Как это случилось? Может, предыдущему клиенту, владельцу элитного бутика на Шестнадцатой улице, пришлось по душе ее дизайнерские находки, внесенные в проект Марвина, и тот замолвил за нее словечко?

– Заказчик хочет, чтобы ты сегодня же отправилась осматривать место. Во второй половине дня. У тебя найдется время?

Хотелось закричать: «Конечно!» – но она сумела сдержать порыв энтузиазма. Многие годы попыток угождать отцу привили навык говорить наделенному властью человеку именно то, что он хочет услышать.

– Мне прежде нужно закончить подготовку документов для магазина канцелярских принадлежностей.

– Это подождет. Поезжай посмотри, стоит ли браться за этот проект. Адрес возьми у Шарлин.

– Благодарю вас. – Леона схватила планшет, один из немногих предметов роскоши, и сумочку и поспешила к машине.

«Паб в южной оконечности города», – повторила она про себя, вводя адрес в строку поиска навигатора. Иной информации, например о том, что это за паб, не было. Возможно, это и к лучшему и вместо перепланировки нужна разработка дизайна с нуля. На подобный проект потребуется больше оплачиваемых часов, а в будущем, когда она соберется открывать собственную фирму, он может стать ее визитной карточкой.

Навигатор выдал место назначения примерно в сорока минутах езды. Леона сообщила Мэй, куда направляется, позднее миновала вывеску «Пиво Першерон» и свернула на дорогу, ведущую к старым кирпичным зданиям. Она с благоговением посмотрела на высокие трубы, из которых медленно валил белый дым – единственный признак жизни в окрестностях.

«Пиво Першерон». Почему-то это название показалось знакомым. Где-то она его уже слышала, хотя и не пьет пиво. Но сегодня придется сделать вид, что это не так, а вечером обстоятельно навести справки.

Навигатор направил на парковку под перекидной мостик и за угол здания. Прямо перед ней виднелся настил, ведущий к открытой двери.

Леона заглушила двигатель и взяла свои вещи, утешаясь тем, что, хоть здание и старое, ресторан явно создается с нуля. Правда, настораживало, что ее машина – единственная на стоянке. Не ошиблась ли она адресом?

Выйдя из машины, она растянула губы в профессиональной улыбке. Тут, словно во сне, в дверях появился мужчина и стал спускаться по настилу. Солнце высветило медь в его волосах. Он улыбнулся ей, она сразу же узнала и эту походку, и волосы, и довольную кривоватую улыбку.

О боже!

Байрон!

«Пиво Першерон», – наконец она вспомнила. Пивоварня, основанная семьей Бомонт после того, как их дело было продано. Она знала об этом только потому, что инициировал продажу ее отец.

Леону охватила паника. Байрон быстро сокращал расстояние между ними. Подойдя вплотную, он увидит детское кресло на заднем сиденье ее машины. К такому повороту событий она не готова, даже голова закружилась. Байрон бросил ее и исчез, что, по словам ее отца, свойственно всем мужчинам семьи Бомонт. Они добивались понравившихся женщин, а потом уходили, прихватив с собой детей. Она понимала, что рано или поздно они встретятся. Но теперь? Прямо *сейчас*?

Она совершенно не готова, еще не вполне пришла в форму после родов и вынуждена носить деловой костюм, купленный в дисконтном магазине. Возможно, на блузке даже осталась слюна Перси.

Мысленно представляя встречу с человеком, разбившим ей сердце и бросившим, она всегда видела себя в превосходной физической форме, чтобы больнее уколоть его. Не хотелось выглядеть как мать-одиночка, которая едва справляется. Даже если в этом виноват именно он.

Нельзя, чтобы Байрон заглянул на заднее сиденье. Если он ничего не знает о Перси, она не станет говорить до тех пор, пока не придумает какой-нибудь план. Что, если он, следуя традиции семьи Бомонт, потребует отдать ему ребенка? Она не может потерять сына, не может позволить Байрону воспитать из мальчика еще одного Бомонта. Она должна защитить своего малыша.

Леона скрепя сердце зашагала ему навстречу.

«Это нечестно», – повторяла она себе. Байрон отпустил волосы и теперь носит их зачесывая назад в конский хвост, скрывая их природную волнистость, лишь одна прядь случайно

выбилась. Худощавая фигура стала более мускулистой, и в белоснежной рубашке с запонками он выглядит неотразимо, греховно притягательно. А она откровенно плачевно, черт бы его побрал.

Они остановились посередине стоянки в паре шагов друг от друга.

– Леона, – произнес он глубоким баритоном.

Ей показалось, что его глаза приобрели более насыщенный оттенок голубого, или это от яркого солнца? Боже, какой же он красивый! Но внешний вид ее не обманет. За притягательным фасадом скрывалась лживая душа.

– Байрон.

А что еще можно сказать? *Где ты был? Когда ты меня бросил, я родила тебе сына? Не знаю, чего мне больше хочется, поцеловать тебя или задушить?* Леона пыталась внушить себе, что ничего особенного не происходит. Просто после года разлуки случайно встретила с мужчиной, которого раньше любила, и он отец ее сына. Похоже, теперь он хочет нанять ее на работу. Гнев придавал ей сил. Если уж вернулся, почему просто не позвонил ей? Зачем понадобилось хитростью заманивать ее сюда?

Если только он вернулся не ради нее. Как-никак, уехал без нее. Взял и улетел в Европу. Об этом рассказала его сестра-близнец Френсис. Для Леоны его отъезд был равносителен переселению на другую планету. А теперь он вернулся и хочет нанять ее на работу, которая ей так необходима. Он вовсе не собирается ничего исправлять, поступать по-мужски, потому что не нуждается в ней.

Поэтому она даже не поморщилась, когда он окинул ее с головы до ног оценивающим взглядом, будто ожидая, что она упадет в его объятия и со слезами на глазах признается, как отчаянно скучала по нему. Не дожидаясь. Леона отдавала себе отчет в том, что этот год стал труднейшим в ее жизни, но она уже не глупенькая девушка, верившая, что настоящей любви по силам преодолеть любые трудности. Прошедший год закалил ее. Пришло время и ему понять это.

Все же было очень трудно стоять с высоко поднятой головой под пристальным взглядом. Он всегда смотрел на нее так, будто она самая красивая женщина в мире. Он видел *только* ее, даже когда они вместе работали в ресторане, куда каждый вечер приходили сливки общества, или другие женщины буквально вешались ему на шею, привлеченные именем.

Вспомнив его взгляд, Леона содрогнулась. Именно так он смотрел на нее теперь.

– Ты обрезала волосы, – наконец сказал он.

Она открыла было рот, чтобы сказать, что ей пришлось так поступить, потому что Перси, сидя у нее на руках, очень любил дергать за них, но сдержалась. Слова застряли в горле, язык словно прирос к небу. Она не выдаст ничего, что он мог бы использовать против нее, не позволит снова причинить себе боль.

– Мне нравится, – поспешно добавил он, нарушая затянувшееся молчание.

От его комплимента Леона покраснела. Очень хотелось заправить за уши короткие пряди, но она вцепилась в ремешок сумочки. Он здесь не ради Байрона, и она не ради него. Выполнит свою работу, и на этом все.

– Тебе в самом деле нужен дизайнер по интерьеру или ты сорвал меня с работы, исключительно чтобы отметить, что я сменила имидж?

После того как бросил меня. Эта мысль повисла в воздухе между ними.

Байрон на шаг сократил разделяющее их расстояние и кончиками пальцев провел по ее щеке, будто хотел убедиться, что она действительно здесь. Взял ее за руку и потер безымянный палец, на котором не было кольца.

– Леона, – пробормотал он хрипло и поцеловал ее руку.

То, как Байрон произнес ее имя, заставило Леону напрячься и прикрыть веки, иначе, посмотри она секунду дольше в его прекрасные голубые глаза, неминуемо пропала бы.

Снова. Впрочем, как всегда. Было в Байроне Бомонте нечто такое, что с самого начала влекло ее к нему. А следовало бы бежать куда глаза глядят.

Как бы то ни было, отец чуть не с младенчества пытался привить ей ненависть к Бомонтам. Она знала все о Хардвике Бомонте, заклятом враге отца, и его отпрысках. Все мужчины этого семейства опасны, соблазняют молоденьких невинных девушек, а потом выбрасывают, как ненужный мусор. Именно так случилось с Леоной.

Решив не сдаваться, она проигнорировала реакцию тела на Байрона, равно как и воспоминания о прошлом, наводнившие сознание от прикосновения его губ к ее руке. Не открывая глаз, она приказала себе сосредоточиться на работе, потому что в одиночку воспитывает сына Байрона, о существовании которого он и не подозревает.

Надо сказать ему. Но она пока не может. Прежде нужно выяснить, что он здесь делает и каковы его планы. Она больше не юная наивная девочка. Едва ли удастся забыть год, прожитый в одиночестве, с разбитым сердцем и беспрестанными осуждающими пересудами. Боже, как осложнилась ее жизнь!

Минута прошла в напряженном молчании, после чего Байрон отпустил ее руку, отступил на шаг. Лишь тогда Леола открыла глаза. Он стоял на некотором расстоянии и смотрел на нее жестче, расчетливее. Она запаниковала. Возможно ли, что ему уже известно о Перси? Или просто злится, что она не припала к его ногам в порыве благодарности?

– Мне нужен дизайнер, – негромко произнес он. В его голосе не было злобы, что шло вразрез с выражением глаз. – Я собираюсь открыть новый ресторан.

– Здесь?

– Здесь. Предстоит много работы, и я хотел убедиться, что ты по-прежнему интересуешься подобными вещами.

– Ты собираешься остаться в Денвере? – с надрывом воскликнула Леола. Ей нужно знать. Если Байрон останется в Денвере, то...

Нужно сообщить ему о Перси, обсудить, в какие часы он сможет видаться с ребенком, какую поддержку оказывать и...

Никаких отношений. Между ними все кончено. Эту страницу своей жизни она перелистнула.

Она лихорадочно анализировала факты. Он открывает собственный ресторан, значит, ее отец неизбежно узнает о его возвращении домой и выйдет на тропу войны, чтобы отравлять им жизнь. Отец найдет способ снова вмешаться, несмотря на ее отчаянные попытки обособиться от родителей, сделает все возможное, чтобы уничтожить Байрона. Снова. И в очередной раз наказать ее. Заодно.

– Да, я вернулся домой.

Глава 2

Байрон вошел в помещение, которому со временем суждено стать рестораном.

– Добро пожаловать в темницу. Ты работаешь в таком направлении?

– Нет.

Байрон спрашивал себя, какого черта он творит. Касается ее лица, целует руку. Он вовсе не собирался делать ничего подобного. Его план прост: нанять ее оформить интерьер ресторана и, встав на ноги, вышвырнуть из своей жизни. На этот раз на собственных условиях. Она в нем не нуждается, он же – только в ее дизайнерском мастерстве.

В теории все просто, но не на практике. Едва увидев Леону снова и убедившись, что она не носит обручального кольца, он тут же потерял голову. Она являла собой загадку, о чем в очередной раз напомнила, когда закрыла глаза, отказываясь даже смотреть на него.

– Как жаль, – вздохнула она. – Здесь ничего не стоило бы менять.

Байрон усмехнулся против воли. Леону всегда обуревал дух противоречия. На людях спокойная женщина, избегавшая столкновений, она, стоило остаться с ним наедине, обнажала истинную сущность – вспыльчивая, саркастичная, наблюдательная, острая на язычок. Заставляла смеяться его, закоренелого циника, который считал, что давно не способен на проявление каких-либо эмоций. А с ней хохотал от души. С ней – для нее – переживал целую гамму чувств.

Он любил ее. Или думал, что любит. Или притворялся, чтобы расставить ловушку Харперам. Она ведь сказала, кем на самом деле является, правда слишком поздно.

– Как я понимаю, камеру пыток ты здесь устраивать не собираешься. Каковы же тогда твои соображения?

– Что угодно сгодится.

– Веди себя серьезно, Байрон.

Если бы он не смотрел на нее, не заметил бы, как она притопывает ногой, поднимая облачка пыли.

– Я серьезен, как никогда. Можешь дать волю фантазии и сделать из этого помещения все, что захочешь. А я буду выбирать меню по своему усмотрению. Единственное ограничение – нужно предлагать посетителям наше пиво. В остальном ресторану предоставляется полная свобода действий.

Прижимая к груди планшет, Леона наградила его долгим взглядом, значения которого он уловить не сумел.

– Должно же у тебя быть хоть какое-то представление о том, что ты хочешь в итоге получить.

– О да, имеется. Я всегда знаю, чего хочу. Но не привык получать желаемое.

Леона ахнула, Байрон невозмутимо прошагал в будущую кухню. Нельзя снова пустить ее к себе в душу. Не следовало ему приглашать ее сюда. И вообще, в Испании дышалось куда свободнее, там Леона была всего лишь воспоминанием, а не женщиной из плоти и крови, от одного взгляда которой Байрон терял самообладание.

Умнее всего было бы держаться от Харперов подальше. Однако Байрон, сам того не ведая, не пересек черту. Так должно быть и впредь.

Он раскрыл двери в кухню и включил все освещение.

– Здесь придется все основательно переделать.

Ему не по силам исправить величайшую ошибку, но он может хотя бы не повторить ее. Всего-то и нужно – сосредоточиться на работе. Ему необходимо научиться быть Байроном Бомонтом в городе, где эта фамилия известна всем и каждому, показать Леоне Харпер, что она больше не властна над ним. Она показала несколько фотографий на экране планшета.

– Вижу. А меню ты уже разработал?

– Нет. Я только вчера дал согласие, а до этого считал, что сегодня буду уже на пути в Мадрид.

– Мадрид? Так *вот* куда ты отправился?

Конечно, она не знала. Не потрудилась поискать его. Было в ее голосе что-то такое, что заставило его повернуться к ней. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, даже не пытаясь скрыть изумления. И недоверия? Ей явно было больно. Что ж, ему тоже.

– Да. Первые полгода провел во Франции, потом уехал в Испанию.

Леона быстро посмотрела на его безымянный палец:

– Ты...

– Нет. Я работал.

– Ах, – выдохнула она. – А где ты работал?

– Помнишь Джорджа?

– Это шеф-повар твоего отца?

То, что она помнит Джорджа, заставило Байрона расслабиться. Значит, воспоминания о нем не стерлись из ее памяти. Не полностью, по крайней мере.

– Да. Так вот, один из его старых друзей из «Искусной кухарки» взял меня на работу в Париже, а потом я узнал об открытии «Эль Галлио» в Мадриде и перебрался туда.

– Ты работал в «Эль Галлио»? Это же трехзвездный ресторан!

Байрон вздохнул с облегчением. Она ничего не забыла. Даже если ее реакция всего лишь уловка, призванная расшатать устои семьи Бомонт, ему все равно стало легче дышать.

Многие месяцы они с Леоной говорили о ресторанах, мечтая колесить по свету и ужинать в самых роскошных заведениях, а по возвращении домой открыть собственное дело. Она занялась бы декором, он приготовлением пищи. Куда лучше работать на себя, чем на эгоистичного ублюдка Рори Макмакена! Голос Леоны вывел его из задумчивости:

– Ты намерен оставить «Эль Галлио» ради открытия своего ресторана *здесь*?

– Сущее безумие, правда? – Он осмотрелся по сторонам. – Не пойми меня превратно. Европа мне нравится, потому что там никому нет дела, Бомонт я или нет. Никто даже не знает этого имени. Там я просто Байрон, шеф-повар. Это было... *Освобождением*.

Он освободился от семьи и от давней вражды между Бомонтами и Харперами.

– Потрясающе, должно быть, – мечтательно протянула Леона.

Байрон удивленно повернулся к ней:

– Да. Не уверен, что хочу возвращаться к прежней жизни, но возможность открыть собственный ресторан упускать нельзя. Так я смогу влиться в семейное дело на своих условиях.

– Понимаю. Значит, решил остаться Бомонтом. – Голос звучал спокойно и напряженно, будто подтвердились ее худшие опасения.

Байрон не мог позволить ей уйти, навязав ему чувство вины. В чем она может его обвинить? Из них двоих именно он пострадавшая сторона. Это она держала его в неведении почти год. А потом отказалась от него по первому требованию своего отца. Насколько Байрон понимал, таков был их план с самого начала. После того как он уехал, Леон Харпер исхитрился продать «Пивоварню Бомонт» под носом у владельцев. Возможно, он велел дочери деморализовать одного из них. Как гласит пословица, разделяй и властвуй.

Если кто и должен чувствовать себя виноватым, то только Леона. Он-то никогда не скрывал свою фамилию и ничего не обещал. Слава богу, он не сделал ей предложение до того, как она предала его.

– Я всегда был Бомонтом. И мы не из тех, кто позволяет играть своими чувствами.

От последней фразы он мог бы воздержаться, но не получилось. Хотел показать, кто здесь главный. А она работает на него. Между ними нет эмоциональной связи, поэтому пусть даже не пытается строить ему козни.

Леона отвела взгляд.

– Как бы то ни было, – продолжил Байрон, – я начинаю с нуля и хочу... – Тут красноречие его покинуло. Слишком много хотел и привык к разочарованиям. – Было время, когда мы говорили о ресторанах.

Хотя Леона с повышенным вниманием изучала собственные туфли, Байрон видел ее глаза. Он хорошо помнил этот пораженческий взгляд, хотя и видел всего один раз, когда ее отец заявился в «Соус», спровоцировал его увольнение и потребовал, чтобы дочь немедленно отправилась домой. Леона тогда потупилась и закрыла глаза, а Байрон назвал ее малышкой. И вот к чему это привело.

– Если не хочешь браться за эту работу, так и скажи, я пойму. Харперы с Бомонтами не ладят, и я не хочу выводить твоего отца из себя. – Слово «отец» он произнес, презрительно фыркнув.

– Я хочу.

Она сказала тихо, он едва услышал. Шагнул вперед, глубоко вдохнул.

Это была ошибка. Запах Леоны – нежный, едва уловимый аромат роз и ванили – тут же перенес его в другое время, до того как он осознал, что она не просто Харпер, а одна из *тех самых* Харперов.

Не в силах совладать с собой, Байрон подался вперед. С тех пор как она устроилась официанткой в «Соус», ему не удавалось держаться от нее подальше.

– Чего ты хочешь, Леона?

– Мне нужно тебе кое-что сказать.

Он снова дотронулся до нее. Еще одна ошибка. Она похитила у него последние крохи самообладания. Байрон взял ее за подбородок и заглянул в ореховые глаза.

– Что тебе нужно?

Ее глаза снова расширились, когда его лицо зависло в нескольких сантиметрах от ее лица, она испуганно ахнула. Байрон почувствовал удовлетворение. У него защемило в желудке. Невзирая на ложь и предательство, тяжелый разрыв отношений и год жизни на разных континентах, он хотел ее.

– Мне нужна работа, Байрон.

Она не поцеловала его и не призналась, как сожалеет, что предпочла свою семью, лгала ему. Она стояла и смотрела.

– Да-да. – Она здесь ради дела. Яснее выразиться нельзя.

Он все понял.

Сердце Леоны билось как сумасшедшее, и она не была уверена, дышит или нет. Байрон убрал руки и отвернулся к плите, оставив ее в состоянии полной парализации.

Если он намерен обосноваться в Денвере, то должен узнать о сыне, и своим нежеланием говорить она усугубляет ситуацию. С другой стороны, куда уж хуже? Байрон нанимает ее оформлять ресторан и при этом демонстрирует то плохо сдерживаемую страсть, то подчеркнутую холодность.

Леона разозлилась. Зачем ему понадобилось совершать столь сложные действия ради возможности увидеть ее? Мог бы позвонить. Или отправить текстовое сообщение.

Гнев – хорошее чувство, придающее сил. Она больше не беспомощная девушка, зависящая от воли мужчин. Она вырвалась из-под отцовской опеки, родила сына и прекрасно справляется без Байрона. Да, одного его взгляда хватило, чтобы ее ноги стали ватными. Но это не имеет значения. Он ведь бросил ее. Она здесь только из-за денег, а не ради него. И о Перси не расскажет до тех пор, пока не будет абсолютно уверена в его реакции. Последний год она обустроивала собственную счастливую жизнь, включающую любимую работу и близких людей – Мэй и Перси. И все это время сама принимала решения, перестав быть

своевольной старшей дочерью Леона Харпера и оставив мечты о браке с Байроном Бомонтом. Теперь она просто Леона Харпер, и это хорошо. Нужно чаще напоминать себе об этом.

– Что ж, я привыкла отталкиваться от меню. Конкретика меня не интересует, однако обрисуй в общих чертах, что ты собираешься предлагать посетителям: бургеры с жареной картошкой или блюда высокой кухни? Тогда я смогу составить дизайнерский проект.

– Нечто среднее. Я буду готовить популярную еду классом выше фастфуда, который и так продается на каждом углу. Моя цель – создать ресторан с неповторимой атмосферой, где упор делается не на личности шеф-повара, а на блюдах и опыте. – Он осмотрел унылое помещение, которое она должна каким-то чудом превратить в роскошный обеденный зал. – *Это* нужно изменить.

– Для начала неплохо. Что еще?

– Стилль фьюжн. В Европе я создавал то, чего не делал здесь. В это понятие входят местные ингредиенты и эксклюзивная технология приготовления.

Леона делала заметки на планшете.

– У тебя есть конкретные идеи меню?

– Несколько.

Она ожидала пояснений, но, не дождавшись, вопросительно подняла голову:

– Например?

Он не удостоил ее взглядом.

– Почему бы тебе не заехать ко мне завтра, я организую для тебя дегустацию блюд? Ты выразишь свое мнение, что может понравиться клиентам, что нет.

Следовало бы отказаться, настоять, чтобы их сотрудничество не выходило за рамки этой мрачной промозглой комнаты.

– К тебе?

– В особняк Бомонтов. Я остановился там, пока не подыщу для себя что-то подходящее. – Он развернулся и пронзил ее взглядом, которому она никогда не могла противиться. – Если, конечно, выдержишь нахождение в нашей семейной берлоге.

– Это я-то тебя терплю? – рявкнула она, не желая, чтобы он делал из нее врага или труса. Ведь именно *он* сбежал, а ей пришлось разбираться с последствиями.

– Как насчет шести вечера?

Леона мысленно просмотрела свое расписание. Сегодня вечером у Мэй занятие, завтра она, скорее всего, сможет побыть с Перси.

– Кто еще будет дома? – Что бы ни случилось между ними, это не отменяло того, что Бомонты и Харперы ладят хуже, чем вода и масло.

– Чэдвик с семьей живут там постоянно, но питаются как кому удобно. Френсис вернулась домой, но почти там не бывает. Еще в особняке проживает парочка сводных братьев, но они тоже в свободном плавании. Так что, возможно, будем только мы с тобой.

У Леоны промелькнула безумная мысль взять с собой Перси, но она отогнала ее прочь. Бомонты скандально известны тем, что после разрыва с женщинами присваивают себе детей. Отец постоянно твердил, что Хардвик Бомонт избавляется от любовниц и забирает малышей, не позволяя им снова видаться с матерями. Эта участь не миновала ни самого Байрона, ни его братьев. С матерью он познакомился сравнительно недавно.

В свое время эта история разбила ей сердце. Он был маленьким потерянным мальчиком в холодном, неприветливом доме. Теперь она изменила свою точку зрения. Байрон не искал сочувствия, а просто предупреждал ее, но она не осознала этого, пока не стало слишком поздно.

Больше она так не сгруппит. И Перси с собой не возьмет. По крайней мере, до тех пор, пока не поймет, какова реакция Байрона на известие, что у него пятимесячный сын. Вдруг

он решит, что малышу лучше в его семье. Рано или поздно он узнает о ребенке, но она не собирается лишаться малыша.

– Хорошо. Ужин завтра в шесть. К этому времени я набросаю несколько идей тебе на одобрение. – Тут пришло сообщение от Мэй с напоминанием о вечернем занятии. – Что-то еще?

Вопрос повис в воздухе. Байрон смотрел на нее с таким томлением, что у нее ослабели колени. Его взгляд сместился и разом лишился теплоты и приветливости. Осталась лишь непривычная холодность, пронзившая ее до костей.

– Нет. Больше мне ничего от тебя не нужно. Ну, вот и ответ. Правда, не тот, который она хотела услышать.

Глава 3

– У тебя соус подгорит.

От этого простого замечания Джорджа Байрон так и подпрыгнул.

– Черт подери. – Он поспешно убавил огонь, мысленно проклиная себя за ошибку новобранца.

Джордж Джексон захихикал, сидя на своем высоком стуле – месте, которое он занимал последние тридцать пять лет. Матери и мачехи сменяли одна другую, появлялись новые дети. Принадлежность к семье Бомонт означала жизнь в постоянной неопределенности. Исключение составляла только кухня. И Джордж один из немногих, кто не строил козни Бомонтам. Даже Хардвику. Возможно, именно поэтому тот держал его в доме, и Чэдвик продолжил эту традицию после смерти отца. Джордж был постоянен и честен. Как, например, сейчас.

– Парень, ты развалина.

– Я в порядке, – солгал Байрон в тщетной попытке утаить правду, что было бесполезно. Джордж слишком хорошо его знал и видел насквозь.

– Зачем лезть из кожи вон, чтобы впечатлить эту девушку? Я думал, из-за нее ты из города уехал.

– Ничего подобного. Мы вместе работаем. Она будет оформлять мой ресторан, а я готовлю еду, которая будет в его меню.

Джордж снова захихикал.

– Конечно нет. Все вы, Бомонты, одинаковые.

– Я совершенно не похож на отца, и тебе это отлично известно, – взорвался Байрон, проверяя ростбиф в духовке. – Я никогда ни на ком не женился, и у меня нет детей, неприкаянно бегающих вокруг.

– Говори что угодно, только ты копия своего старика. И Чэдика тоже. Каждый из вас не до конца честен с самим собой, когда дело касается женщин. Ладно, Чэдика на этот раз вычеркиваем. Мисс Серена особенная. Хоть бы твой брат не испортил все. На мой взгляд, все вы дураки.

– Спасибо, Джордж. В твоих устах эти слова приобретают особый смысл.

Где-то в отдалении раздался звонок в дверь.

– Следи за соусом! – крикнул Байрон, выбегая из кухни.

Особняк Бомонт-Мэнор был огромным зданием, выстроенным еще дедом, Джоном Бомонтом, после Второй мировой войны, когда сняли запрет на распитие пива, и вернувшись с войны солдаты создали на него спрос. В течение двадцати лет «Пивоварня Бомонт» едва держалась на плаву, и вдруг деньги потекли к Джону рекой, он едва успевал подсчитывать. Он построил несколько новых зданий в кампусе и особняк, кирпичную громадину, мгновенно затмившую старые дома серебряных баронов. Отличительными особенностями особняка стали башенки, витражные окна и горгульи на крыше.

Байрон всегда ненавидел этот дом и поведение, которое он навязывал своим обитателям. Здесь витали призраки Джона и Хардвика, и никто никогда не был счастлив. Байрон не мог понять, почему Чэдвик настоял на переезде с семьей сюда.

Байрон даже не потрудился полностью распаковать вещи, не собирался задерживаться здесь надолго. Он присмотрел себе хорошую квартиру с отличной кухней недалеко от «Пива Першерон» и, пока не переехал туда, старался проводить как можно больше времени на кухне. Это помещение не знало драм, которыми пропитаны остальные комнаты дома.

Байрон чуть не столкнулся с Чэдиком, направлявшимся к двери.

– Я сам.

Чэдвик не двинулся с места.

– Ждешь кого-то?

– Дизайнера по интерьеру. Я приготовил для нее пробные блюда, чтобы помочь определиться с темой оформления ресторана.

– Это хорошо. – Чэдвик окинул его суровым оценивающим взглядом, под которым Байрон всегда ощущал себя мелким и незначительным. – Мне следует знать что-нибудь еще?

– Джордж печет яблочный пирог на десерт.

Неожиданно Чэдвик улыбнулся. Когда они были детьми, он часто улыбался и ходил у отца в любимчиках, в то время как Байрон считался помехой, маленьким назойливым мальчиком, любившим играть на кухне.

– Если потребуется мое мнение, зови. – Чэдвик стал подниматься по лестнице. Никаких оценок или резких слов, ни единого прощального взгляда.

– Хорошо! – крикнул вслед Байрон.

На пороге стояла Леона. Байрон несколько расслабился. Не то чтобы она специально нарядилась, в юбке и жакете она выглядела очень по-деловому. Впервые Байрон осознал, как сильно она изменилась за прошедший год, и дело тут не только в прическе. *Возможно*, она сумела продолжать жить, а он нет? Очевидно. Как бы то ни было, он рад ее видеть, хотя должен ненавидеть и ее, и всех Харперов. Никому из них нельзя доверять. Не стоит об этом забывать.

– Привет. Входи.

Она помедлила. Несмотря на продолжительные отношения, он никогда не приглашал Леону в особняк, и она никогда не просила об этом. Отсутствие интереса к богатству и славе Бомонтов необычайно влекло к ней. Байрон не понимал, что у нее есть свои деньги. Возможно, Джордж прав, а он в самом деле дурак.

– Спасибо. О! – воскликнула она, рассматривая сводчатые потолки и хрустальные канделябры. – Как красиво.

– Не мой стиль.

Байрон провел Леону по широкому коридору, пересекающему первый этаж, мимо столовой, гостиной, мужского и женского салонов и библиотеки. Наконец они оказались в другом коридоре, огибающем столовую с противоположной стороны, и, спустившись по короткой лестнице, оказались на кухне. Всю дорогу молчали. Байрону мало известно о доме Харперов – Леон Харпер уж точно не позвал бы его в гости, – но он не сомневался, что такой уровень достатка Леона считает нормальным. Он не хотел ворошить прошлое, когда родители громко хлопали дверями после очередного ужина, окончившегося катастрофой.

– Прошу. – Байрон открыл дверь кухни.

Она шагнула в теплую комнату, залитую лучами полуденного солнца, проникающими через расположенные над рабочей поверхностью окна, за которыми раскинулась величественная панорама Скалистых гор. Свет отражался от медных кастрюль и сковородок, висящих на рейлинге.

– Как *красиво*. – Леона ахнула от удивления и воззрилась на Байрона глазами, в которых светилось понимание, заставив его на мгновение позабыть о том, как лгала и разбила ему сердце. Перед ним снова стояла *его* Леона, с которой он, бывало, делился сокровенными мыслями и чувствами. – О, Байрон!

– И Джордж, – добавил Джордж.

– Ой! – Леона отступила на шаг, столкнулась с Байроном. Тот инстинктивно поддержал ее за талию и прижал к груди. Она ощутила тепло его тела, а ему едва удалось подавить стремление коснуться губами ее шеи. Она всегда любила, когда он целовал это место. – В следующее мгновение Леона отстранилась. – Джордж! Я так много о вас слышала. Рада

наконец-то с вами познакомиться! – И, к удивлению Байрона, подошла к Джорджу и крепко его обняла. Судя по выражению лица старика, он тоже не ожидал подобного.

– Да, – ошарашенно отозвался он, стреляя глазами в сторону Байрона. – Я слышал... ну... – Видя, что тот отрицательно качает головой, он поспешил исправить оплошность. – И рад знакомству.

Байрон облегченно выдохнул. Джордж единственный был посвящен в историю с Леоной, даже Френсис не знала всего, одному Богу известно, что он мог наговорить.

– Джордж консультирует меня по меню и будет с нами сегодня ужинать.

– Да? Хорошо.

По какой-то причине Леоны показалась расстроенной. Неужели решила, что у них будет романтический интимный вечер? Она даже не одета должным образом. Выглядит так, будто приехала прямиком с работы. На жаркие свидания может даже не рассчитывать, ни теперь, ни в будущем. Если она хочет этого, ее ждет разочарование.

Раздался писк таймера, и Байрон выбросил эту мысль из головы. Нужно готовить еду.

– Планируется легкий ужин, сервированный на маленьких тарелочках, – пояснил он Леоны. – Чэдвик снабдил нас образцами всех сортов продукции «Пива Першерон», так что устроим дегустацию. – Он открыл дверцу одного из трех холодильников, заполненных исключительно напитками. – С чего желаешь начать?

Леоны моргнула:

– Я не пью.

Он удивленно уставился на нее. Вот еще новости! Раньше они всегда пили вино за ужином. Странно.

– Хорошо, налью тебе воды.

Пора приниматься за работу. Он разложил по тарелкам тушеную ягнятину, котлеты с ветчиной, петуха в винном соусе, рататуй, запеченную с травами меч-рыбу и утиный паштет. Подал суп вишисуаз в маленьких супницах, кастильский чесночный суп и гаспачо. Джордж тем временем достал домашние чипсы из корнеплодов в трюфельном масле и порезал французский багет. Леоны сфотографировала каждое блюдо и тщательно записала пояснения Байрона.

– Не уверен, что стоит включать в меню гамбургеры и жареную картошку. Ты как считаешь?

– Это популярное блюдо. Если ты не против.

Байрон вздохнул:

– Да-да, еда для народа и все такое.

Когда они сели за стол, он перехватил устремленный на него взгляд Леоны и удивился, не покраснела ли она?

– Ты так давно для меня не готовил.

– И для меня тоже, – тут же нашелся Джордж, пробуя утиный паштет. – Нужно отдать тебе должное, парень. Ты весьма преуспел.

– Вот как? – воскликнула Леоны.

– Когда мы начинали на моей кухне, он не мог даже кашу сварить.

– Эй! Мне тогда было сколько? Пять лет?

– Четыре, – поправил Джордж и обратился к Леоны: – Когда он стал просить еще печенья, я велел ему отработать, помыть посуду.

Леоны одарила Джорджа ослепительной улыбкой, а Байрона укоризненным взглядом.

– Мне он этого не рассказывал.

– Поначалу он отказывался, но, питая любовь к шоколадному печенью, вернулся несколько недель спустя, после того как... – Фраза повисла в воздухе.

Байрон догадался, что речь о родителях, которые ужасно ругались за ужином, выкрикивая оскорбления в адрес друг друга и швыряя посуду. Тогда в голову Чэдвику едва не угодила тарелка, а Байрону с Френсис пришлось увернуться от суповых брызг. Они расплакались, и отец наорал на них. Байрон сбежал от царящего хаоса, Френсис последовала за ним. В конечном итоге оба оказались на кухне – самом безопасном месте в доме, куда отцу не пришло бы в голову заявиться. Френсис не хотела работать ради печенья и стакана теплого молока, а Байрону было что-то нужно. Что угодно, лишь бы отвлечься от разворачивающейся в его жизни драмы, хотя в то время, конечно, ему было не до самоанализа. Просто хотелось верить, что все будет хорошо.

Мытье посуды требовало значительной концентрации внимания и отвлекало от мыслей о том, что случилось за обедом. Потом он получил печенье. Джордж похлопал его по плечу, похвалил за хорошую работу и пообещал, что в следующий раз научит печь печенье. Это примирило Байрона с жизнью.

– Да, я мыл посуду. Печенье того стоило.

– Получалось у тебя ужасно, – посмеиваясь, добавил Джордж.

– Потом я приноровился. Попробуй гаспачо. – Он придвинул Леоне тарелку. – Вкус, конечно, не как в Испании, перец недостаточно свежий.

Джордж нахмурился:

– Парень, не рассказывай людям того, чего им знать не положено. Она не пробовала блюд, что ты готовил в Мадриде.

– М-м-м! – Леона облизала ложку. Байрон как замороженный наблюдал за движениями ее языка. Она перехватила его взгляд и потупилась. – Джордж прав. Продукты местного производства, желательно с названием фермы, где они приобретены, добавляют значимости.

– Это можно устроить. Вокруг пивоварни большой участок земли, и мне вполне по силам ее обработать и выращивать зелень, например.

– Правда? Это может повысить спрос на твою продукцию.

Байрону нравилось ловить на себе взгляд ее сияющих глаз, хотя он понимал, что радоваться не стоит, нравилось сидеть с ней на кухне и обсуждать ресторан, который они откроют через несколько месяцев.

Ему, как всегда, ее не доставало. Сколько бы ни берегся от ее чар, он не переживет, если она снова разобьет ему сердце. Больше всего на свете хотелось обнять ее и прижать к себе. Пусть даже он сгорит в ее пламени. Такое всегда случалось с Бомонтами в присутствии Харперов.

Глядя, как Леона смакует приготовленную для нее еду и весело болтает с Джорджем, Байрон готов был снова сыграть с огнем.

Глава 4

Еда была восхитительной, что неудивительно. Особенно понравились котлеты с ветчиной, которых Леона не пробовала раньше. Надо признать, вечер с хорошей едой и душевными разговорами удался на славу. Она расслабилась и получала удовольствие от происходящего.

Однако о Перси и словом не обмолвилась. Слушая бесконечные рассказы Джорджа о том, с каким трудом Байрон учился готовить, Леона не могла придумать, как обрушить на них эту новость без риска потерять сына.

Байрон подал три десерта – миндальное пирожное без глютена, персики в винно-йогуртовом соусе и открытый ванильно-лавандовый пирог. Леона сверилась со своими записями. Он предлагает вегетарианские блюда и еду без глютена. Добавить сюда немного фаст-фуда, и получится, что он сможет удовлетворить практически любую категорию клиентов.

– Тебе же нравятся персики, правда? – Он поставил перед ней тарелочку с половинкой персика.

– Да. – Она против воли посмотрела ему в лицо. Он находился так близко, что она могла ощутить исходящее от него тепло. Он не забыл, что персики ее любимое лакомство. Прежде он часто готовил для нее персиковый коктейль, персики на гриле, персиковое мороженое. Все, на что хватало фантазии. – Спасибо.

– Надеюсь, ты ничего не имеешь против винного соуса. – Он не отстранился. – Я не знал, что...

– Все в порядке. – Раньше, когда он готовил для нее ужины, она пила вино. Вечерами они наслаждались едой, а ночами друг другом. От алкоголя она отказалась, когда узнала о беременности. Потом грудное вскармливание. Да и откуда ей было взять денег на алкоголь?

Байрон стоял рядом, не сводя с нее взгляда. Леона едва смела дышать. Все тактики самосохранения – чаще напоминать себе, как ее бросили, а ведь отец предупреждал – и страх, что Байрон отберет сына, были забыты, стоило ей посмотреть ему в глаза. На одно благословенное мгновение в мире не осталось никого, кроме них двоих. Действительность напомнила о себе раскрывшейся дверью, со стуком ударившейся о стену.

– Джордж! – раздался ясный женский голос. – Ты не видел... Ах вот ты где!

Леона посмотрела через плечо, и сердце у нее упало. На пороге кухни стояла Френсис Бомонт в потрясающем зеленом платье и туфлях на высоких каблуках.

– Байрон, я целый день шлю тебе эсэмэски. – Она замолчала, заметив Леону. Раньше они несколько раз встречались, и Френсис ей вроде бы симпатизировала. Но это было давно.

Байрон прочистил горло.

– Френсис, ты помнишь?

– Леона, – презрительно рявкнула та и, схватив брата за руку, оттащила на несколько шагов. – Что она здесь *делает*?

Леона хотела сосредоточиться на соблазнительных десертах, но в желудке вдруг образовалась свинцовая тяжесть.

– Помогает с рестораном.

– Ты ей *доверяешь*? С ума, что ли, сошел? – взвизгнула Френсис, не трудясь скрывать чувства.

Леона встала. Не в ее правилах молча сносить оскорбления. Именно Байрон бросил ее, а не наоборот. Если уж на то пошло, это *ей* не следует доверять ему.

– Я ухожу. Провожать не нужно. Джордж, рада была познакомиться. Байрон, я изучу записи и представлю несколько предложений. – Собрав вещи, она встретила взглядом с Френсис. – Френсис.

– Нет. Я тебя провожу, – запротестовал Байрон и, не обращая внимания на злобное шипение сестры, придержал Леона дверь.

– И я рад! – крикнул вдогонку Джордж. – Приходите в любое время.

– Джордж! Ты на чьей стороне? – Френсис задохнулась от ярости.

Леона и Байрон вышли в коридор, и голоса на кухне затихли. В переднюю шли молча. Леона размышляла о том, какой катастрофой обернулся вечер. Да, блюда очень вкусные и Джордж очень мил, но...

Байрон смотрел на нее с плохо скрываемым желанием, что шло вразрез с оказанным ранее холодным приемом. Он смущал ее, и после всего пережитого это выглядело особенно оскорбительно.

Леона не могла снова впустить Байрона в свою жизнь, как не могла позволить неприкрытой ненависти его сестры ранить себя. Он – истинный сын своего отца – бросил ее и сбежал. Не любил ее настолько, чтобы бороться за совместное будущее. Она не могла себе позволить нежные чувства, это опасно не только для ее сердца, но и для благополучия Перси. Ей нужно защитить сына.

Размышляя таким образом, Леона намеревалась попрощаться с Байроном на пороге и уйти, но он вышел вместе с ней и закрыл за собой дверь.

Содрогаясь под порывами ледяного ветра, Леона запретила себе прижиматься к Байрону, ощущать тепло его тела. Она в нем не нуждается и не позволит, чтобы он второй раз разрушил то, что она долго и кропотливо создавала.

Как только дверь закрылась, Байрон шагнул к ней, пока до нее не дотрагиваясь.

– Прошу прощения за Френсис. Временами она перегибает палку.

Та сторона натуры Леоны, что привыкла раболепствовать перед отцом, хотела заверить, что все в порядке, и сгладить инцидент, но это не поможет защитить сына, поэтому она не стала этого делать.

– Похоже на то.

На лице Байрона отразилось замешательство. Ему еще неизвестно, что Френсис отказалась сообщить о его местонахождении.

– Мне совершенно не хочется копаться в прошлом. Не за этим я здесь.

Она не знала, как он отреагирует на ее слова, но не ожидала, что обхватит ее лицо, будто услышал что-то приятное.

– Зачем же тогда?

– Ради работы. – Леона все же подалась ближе к Байрону. – Байрон...

Фраза осталась незаконченной. Из дома донесся страшный топот, словно пронеслось стадо слонов. Байрон, схватив Леону за руку, потянул прочь с крыльца.

– Я провожу тебя до машины.

Пока они шли, его пальцы сплелись с ее. В этом жесте не было ничего соблазнительного, но на душе у Леоны потеплело. Когда они оставались наедине, он всегда держал ее за руку. Она положила голову ему на плечо. Ах, если бы все было по-другому! Если бы.

Она резко остановилась в нескольких шагах от машины, сообразив, что вот-вот выдаст себя с головой.

– Что такое? – удивился Байрон.

– Я просто... – Леона не нашлась с ответом и сделала единственное, чем могла отвлечь его. Она его поцеловала.

Возбуждающий поцелуй не планировался, просто требовалось время придумать хитрый маневр. Но близость Байрона вскружила голову, Леона буквально таяла перед ним. Он положил ей руки на талию и, углубляя поцелуй, обхватил пальцами ее бедра и теснее прижал к себе. Уронив сумку на землю, она обняла его за шею.

А ведь запрещала себе вспоминать ощущения, которые он вызывал в ней, сосредоточившись исключительно на ненависти к нему.

По телу разлилось тепло. Поцелуй все длился, раззадоривая ее, заставляя желать большего. Она никогда не умела держаться от Байрона подальше и теперь ничего не могла с собой поделать. Некоторые вещи не меняются с течением времени.

– Мне так тебя доставало, – прошептал он и поцеловал ямочку под ухом.

Леона покачнулась.

– О, Байрон, и я по тебе очень скучала.

Он отстранился от нее так резко и внезапно, что она едва не упала. Он поддержал ее за талию, внимательно глядя на что-то за ее спиной. На машину.

– Что это?

– Ты о чем? – дрожащим голосом отозвалась Леона, понимая, что настало время во всем признаться.

– Это же детское автокресло. – Байрон отпустил ее. – У тебя на заднем сиденье детское автокресло. – Он отступил на пару шагов и окинул ее критическим взглядом.

Очень хотелось втянуть голову в плечи, но она сдержалась. Хватит дрожать от каждого гневного оклика отца или бывшего любовника. Она гордо вскинула подбородок и расправила плечи.

– Ты изменилась.

– Да.

– Ты родила *ребенка*?

Пришлось дважды сглотнуть, прежде чем снова обрести голос.

– Да.

Байрон удивился, раскрыв рот, и никак не мог его закрыть.

– От кого?

Не в силах выносить происходящее, Леона потупилась и чуть слышно призналась:

– От тебя.

– *От меня?*

Открыв глаза, она увидела, что он быстро расхаживает взад и вперед. Потом снова повернулся к ней:

– У меня ребенок? А ты даже *не сказала*?

– Я собиралась.

– *Когда?* – Это слово ножом прорезало воздух и вонзилось прямым в сердце. – А целовать меня зачем понадобилось? Ответь, Леона. Что стоит за твоими действиями?

Запрещая себе бояться, Леона промямлила:

– Я... ты... бросил меня. Я не могла лишиться еще и его.

Даже в тусклом свете одинокого фонаря она заметила, как он побледнел.

– Его?

– Перси. Я назвала его Перси. – Она отыскала на планшете самую свежую фотографию сына. – Вот Перси.

Он уставился на экран.

– *Я тебя бросил? Беременную?*

Она кивнула.

– А ты не подумала, что неплохо бы сообщить мне об этом? Что носишь *моего сына*?

– Ты оставил меня, – с мольбой в голосе повторила Леона. Теперь, когда он все знает, надо объяснить причины, побудившие хранить молчание. Она и не думала, что он может так сильно на нее разозлиться. Даже мелькнула мысль попросить прощения, успокоить его. Что угодно, лишь бы он не отнял сына. Но умолять она больше не станет. Справедливость на ее стороне.

– Когда я ушла от отца, ты уже уехал. Я боялась, что твоя семья отнимет у меня Перси. Байрон замер.

– Погоди-ка. Что ты сказала?

– Что ушла от отца. Взяла с собой младшую сестру Мэй. Сейчас она сидит с малышом. Подскочив, Байрон схватил ее за руки:

– *Твоя сестра сидит с моим сыном?*

– С *нашим* сыном, да.

Он подтолкнул ее к машине:

– Отвези меня к нему. Немедленно.

– Хорошо.

Ехали в гнетущем молчании. Она снимала квартиру в жилом комплексе «Аврора» в полчасе езды. С разгневанным Байроном на пассажирском сиденье.

Леона пребывала в расстроенных чувствах. На долю мгновения душу осветил лучик надежды, что между ними еще сложится что-то хорошее, и погас. Это ведь Байрон. С ним всегда непросто, они постоянно балансировали на тонкой грани между любовью и ненавистью. Если бы она была не из семьи Харпер или он из Бомонтов. Будь они безымянными людьми, полюбившими друг друга, могли бы до конца дней своих прожить счастливо. Но у них иная судьба. Байрон возненавидел ее за то, что скрыла от него сына.

Они свернули на стоянку жилого комплекса.

– Ты здесь живешь?

– Да. Иного мы позволить себе не в состоянии.

– А как же твои родители? Отец?

– Пожалуйста, не упоминай об отце в присутствии Мэй. Это заставляет ее нервничать.

– Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.